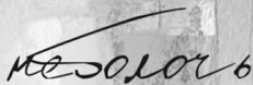

ЮМ
ПИСАТЕЛЕЙ

СЕРГЕЙ
ПАХОМОВ

Сергей Пахомов

Неболочь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15069421

ISBN 9785447437398

Аннотация

Сергей Пахомов – поэт brutalный. Землепроходец, искатель приключений и ярма на шею. В его стихах соединяется трудносовместимое: мифология и будничная действительность, образы мировой культуры и реалии российской глубинки. Пахомов живёт на речке Мерёжа, где рыбу прежде мешками черпали, мерёжами. И поныне небезрыбно это место. И стихов дается «мешками», и в каждой строчке – энергия, рвущаяся вовне. Книга из серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

Содержание

У костра	6
Натюрморт	7
Вокзал	9
Нараяме	11
Бабочка	12
Княженика	13
Облака	14
Геркуланум	15
Оригами	16
Фавн	17
Бетель	18
Трава	20
Нострадамус	21
Станционный смотритель	23
Он	24
Зима	26
Знакомство	27
Манная каша	29
Под уклон	31
Ссора	32
Деревья	33
Орбита	34
Квест	35

Удод

36

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Неболочь

Сергей Пахомов

© Сергей Пахомов, 2015

© творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2015

© Регина (фото автора) Соболева, фотографии, 2015

Редактор Ната Сучкова

Корректор Нина Писарчик

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У костра

Если снег – это память о лете,
Золотой листопад – обо мне...
Почему бесшабашные дети
Не играют «в чижа» в темноте?

Почему не целуемся тайно,
Отчего так неявно дрожим?
Если смерть на земле не случайна,
То случайна ли смертная жизнь?

Спросим Бога. В пространном ответе —
Шифровальные стоны огня...
Подрастают деревья, как дети,
У костра уходящего дня.

Натюрморт

Как черви, белень бересты,
Лист, яблоки апорт,
Дырявит пасмурность холсты —
Осенний натюрморт.

Октябрь напишет некролог
Короткий колоску,
Младенец ластится к соску
И млечный лижет сок.

Ночная падалица звёзд...
Варгань, поэт, компот.
Срывай одежды, как джек-пот,
Как глотку певчий дрозд —

С души, разденься догола,
Стань немощен и наг,
Развейся, как победный флаг,
Библейская зола...

Так, в зазеркалье луж смотря,
Как смотрит в небо крот,
Я вижу тучу, пескаря,
Весь мир – наоборот.

Смерть, словно нищенка, стучит
Костяшками в забор...
Звук – невозможен, нарочит,
Как яркий свет в упор.

Вокзал

Пернатых вокзалов длинны журавли,
Азалии в залах давно отцвели,
Как сор на перроне, печален отъезд,
Ворона в короне, где шпалы-диз.

За взятие клады – медаль на груди
Носильщика-дяди, ему не клади
В рот пальца... Не пьялся: нехитрый багаж,
И ветер на пьяльцах, свивающий раж.

Вокзал, как парник, где живут огурцы
Шершавых вагонов, вокзал, как Нарцисс.
Вокзал – это Гудвин, заметный для глаз,
Чей носик припудрен от слёз напоказ.

Обросшие розами, словно в саду,
Встречают Ромео Джульетт-какаду.
Новеллою Грина, алее тоски,
Летит балерина, не видя ни зги.

Не россыпь гороха – отара цыган
Опутала лоха в лохнесский туман.
Вокзал – недоумок, Ходжа Насреддин.
Таджик возле сумок халвой наследил.

Картинка сменилась, как сценка в кино,
Соринкою в глаз угодило бревно.
Слова-мурава: «Не печалься, родной,
Я буду скучать по тебе... за тобой...».

Нараяме

Листопад – это вина винями.
В ноябре лист обуглен и чахл.
Восхожденье души к Нараяме...
Нобре я дочитал при свечах.

Так, прокашлявшись, в старом камине
Разгорелись сырые дрова,
Птицы-звёзды, клюющие иней,
Угвоздились в промоине рва.

Я заметил, что время проточно,
Как ручей, как дымок из трубы...
Одинокость строгаёт поточно
Смоляные минуты-гробы.

Восхожденье души к Нараяме...
Этот путь беспощаден и долг,
Так оскален в охотничьей яме
Одинокий, затравленный волк.

Бабочка

Шептанье бабочек, смятенье... и сплетня тучного слепня
Преобразились в рассуждение на тему солнечного дня.
Услышишь исподволь: Ван Клиберн... Посмотришь
искоса: Дали.

Как укрупнившийся калибр, вокруг трассируют шмели.
Очарователен, и долог, и в перспективе обозрим
Луг-увалень (поправлюсь: олух) – горланит, как
заправский Рим.

Как горяча ладонь арены! Жук-гладиатор, львиный зев.
Я сдул обоих... «Меньше пены!» – орал, от жажды
окосев,

Обняв, как мать, пивную бочку, Иваныч (слесарь
из депо).

Его податливую дочку я попросил заехать – по
Делу... Знаете, какому? Из сердца вон, и с глаз долой!
Любовь, набившая оскому, приятней, чем сухопостой.
Вернёмся к бабочкам, букашкам, к односторонней
стрекозе...

Говорят, я родился в рубашке, но умру без рубашки,
как все.

Княженика

Так в глубине реки (сравню: балкон фасада)
Парил, угрём у дна... уютный островок,
Таинственный, как свет ненайденного клада,
Как уголёк звезды, взлетевшей из-под ног.
Столь редкая, как дар, цвела там княженика,
Багровая, как смерть, и пьяная на вкус —
Наешься и глядишь: прозрачная туника
Струящейся воды обласкивает куст.
Находчивый Гвидон (назойливая муха)
Гудел по-над рекой, где вырос барбарис...
На отмели мальки резвились, что есть духа,
Ракушки на песке изображали рис.
Затейливый рассказ об островке кисейном.
Над омутом скрипит наклонная сосна...
Гвоздика и дурман над берегом кисельным,
А чайка в небесах – платочком из окна.

Облака

Нине Писарчик

Ватрушка облака... Края чуть подгорели – сочен творог.
У печки бабушка моя. Свет солнца солоден и долог.
Я тесто ел. Я брал его, я думал: бабушка не видит.
Подкрадываясь босиком, включал погромче телевизор.
Но, повзрослев, сообразил, что теста бабушка месила
Намного больше: я любил его – она меня любила...
С тех давних пор не подхожу ни к вымученному, ни
к мучному.
Лишь в небо пристально гляжу и вижу небо по-иному:
Плывут ватрушки-облака, опекиши, накрёпки, шаньги...
Пусть будет пухом и легка... как рюмка водки после
баньки.

Геркуланум

Постучав погремушкой колодца, я принёс
леденящей воды

В дом. Закат, как бушлат краснофлотца – нараспашку,
утёсы круты.

Распускались, гортанно-картонны, над шипящими
буквами волн —

Лепестками – печальные стоны (крики чаек), сжимаясь
в бутон

Шторма. Молний набухшие вены, чёрной тучи края
опалив,

Рвались в клочья... Тяжёлая пена, словно пемза,
скрывала залив.

Геркуланум подводного мира был беспечен. У самого дна
Крабы тупо копали могилы, янтарём каменела сосна
Утонувшего брига (не жалко) ... На ковре ламинарий,
дрожа,

Любопытствуя, пела русалка... Или Плиния Гая душа?

Оригами

Валун, как волхв, но не на перепутье, а там, где холм подстёгивает устье.

Подпасок-холм, коньячная звезда настояна глазами очевидцев —

Обычных ротозеев и провидцев... Она за тучи прячется, когда

Поэты намозоленными ртами её, как снег, пытаются поймать...

Пришествие фигурок оригами: деревья, как скрипучая полоть.

Придирчивы бумажные сороки, подрезанные хвостики зайчат

Дрожат в кустах, сугробы-лежебоки, в них снегири мелькают и мельчат.

Как молоко, что сцежено сквозь марлю, повисла изморозь на ветке под окном,

Струною на гитаре Боба Марли, и шелестит обрядным серебром.

Бумажное теплей, чем ледяное... Так Герда поседевшая моя

Устроила уставшею рукою мне сердце из никчёмного сырья.

Фавн

Гуттаперчевый полёт озабоченной медведки. Перчик в парнике, как дон —

Не река, а дон Сосед, что сидит на табуретке и старательно скребёт оцинкованный бидон.

Биатлон: с размаху мухи угораздили в мишень. Расплетается, как слухи, паутиною – плетень.

Вдоль оливковой аллеи (цвет имеется ввиду) проливные сливы зреют, осыпаясь на ходу.

Над воланами вербен – не Олланда мотороллер – Франсуаза-стрекоза, пучеглаза, дребезжит.

Медоносная пчела, облетев колодца спойлер, пробирается в бутон хризантемы к точке Джи.

Алла, хватит загорать голой: к западу – грозовье, на глазах мрачнеет день (через тёмные очки).

Вру. А как тут не соврать? Пыткою средневековья – ос, кузнечиков, жуков влажные смычки.

Бетель

Ночь прошла, улеглась (просвистела). Приосанился лес, прикипел,

Как рубаха на голое тело (я с дровами возился, вспотел).
То ли к озеру, то ли к вершине распашного (для солнца) холма

Ветер вздул новоявленный иней – постромки пристяжного ярма:

Это дом наш впряжён в межсезонье, вправлен окнами наперечёт,

Где по стёклам, как слёзы бизоньи, упомянутый иней течёт.

Обрывая с доски объявления о продаже участков, домов, телефоны доверья, растленья, ветер воет, как чёртов альков:

«Я могу одиночно и цугом, куннилингус люблю и анал, Проживаю совместно с «подругой», у которой есть Тур Хейердал»...

Раздосадован кореш в Паттайе, перепутав: «она» и «оно». О любви (устремление к тайне равносильно сползанию в г...):

«Отпусти, – говорю, – раз ошибся... Не хозяйское дело жалеть

Двести долларов...» (гнётся крушина под окном, так, что больно смотреть).

Оглупело грустя по России, жизнь жуя, как зелёный
бетель,
К натуральной селянке, осилив тёмный страх, забираюсь
в постель.

Трава

Прибились в стан моих богов – не к стае лебедей —
Остатки зимовальных снов. Я помню, хоть убей,
Дождь, долгопрудье берегов, кликушество травы.
Как пионер – всегда готов – трава «идёт на вы».
Пока сальерствует во тьме луна, как пиала,
И мысли-айсберги в уме всплывают добела,
Трава плетёт свои права, топорщится и пьёт
Росу – и кругом голова, как на лугу осот.
Кривая неболочь ночи, ромашки на юру...
Я подберу к траве ключи. Когда? Когда умру.
В облезлом черепе – трава, трава целует крест,
С травой рифмуются дрова... Чистилища ликбез.
Теперь я понял, почему смерть завсегда с косой:
Косить зелёную кайму за лесополосой.

Нострадамус

Сырчат лёд, половинчат апрель... Нострадамус – ночное страдание:

Иногда завывает метель, словно поезд идёт с опозданием.
Обожаю последний вагон: нет вестей от друзей,
от подруги,

Обижаются створки окон – только блики бегут по округе.
Нерыдальное время моё, рыба мрёт по реке от замора,
Ощетинилось волком жнивьё на мерцание глаз
семафора.

Молвил в гости зашедший сосед: «Я молюсь умереть без
мучений...»,

Но у времени времени нет для тщедушных его
песнопений.

«На Прилепкино», – здесь говорят, разумея погост
поселковый...

Раболепно губёшки дрожат, за похмелье целуя целковый.
Страх: во сне хорошо умирать, будто не было жизни
в помине,

Я не стану земельку копать да кропать богомерзкое имя
На дощечке. Жил-умер... цифирь, что размоется снегом,
дождями...

Взял бы, что ли, убожец, псалтырь да сходил, крестик
выправил маме.

Сдохнешь быстро, раз гредишь о том! Плесневеют

дороги, как яства...

И супругу пригровишь колом на такую же раннюю Пасху.

Станционный смотритель

«Молчали жёлтые и синие, в зелёных плакали и пели...»
Не называй меня по имени, пока грачи не прилетели.

Станционный смотритель вошёл, проще – стрелочник
(русский язык?),

Словно Пушкин поджарил глагол и обжёг им всеядный
кадык.

На столе – быстрый мельк поездов, за окном – намывная
звезда,

Я бы утром уехал во Гдов, на Кудыкину гору (куда?).

Мой «стольпин» поставлен в тупик, на закуску –
вампирный чеснок.

Гусь-хрустальнойю стопкою – клик, подгибая колени,
как йог.

Станционный смотритель, скажи: долг ли, короток март
во дворе?

На реке, у замерзшей баржи, не наступит ли вскоре
амбре?

Упадают огни поездов, будто капельки пота со лба,
Не мигая, глазищами сов фонари озирают шлагбаум.

Он

Освободилось место «вдоль угла», правь сети, жереха,
сколь хочешь,

Лови. Он умер. Острая пила согнулась о завалинку
пророчеств.

Он говорил: «Мне нужен компаньон, чтоб ставить вятери
в тугие воды Леты,

С собой возьму, когда со всех сторон тебя опутают
рыбацкие приметы».

Я усмехался, сам, как угорь, скольз... в глазах его
сверкали волчьи искры,

Однажды окровавленный приполз – я вспомнил дот,
накрытый коммунистом —

На мой порог. В больнице (не жилец!) дрожали
лупоглазые сестрички —

Стрекозами... А сердце, что елец, моё распрыгалось, как
сумка в электричке.

«Я – царь, я – червь, я – Бог...» Я – полосатый раб, я –
окунь у свободы на кукане...

Меня согнали вскоре на этап: мол, завалил товарища,
по пьяни.

Хлебай щи лаптем (если б только щи), для Бога
православную обиду

Таи; снуют охранники-хлыщи с последней «дачкой» –
небо инвалиду,

Клеёнчатое, клетчато, как сеть, которую в проток
настрою пенный...

Ты мог бы, сука, в поле помереть, мой лучший друг –
убийца убиенный?!

Зима

Не тужи – всё пройдёт постепенно, станут вешние воды цвести,

Ты по броду пройдёшь – по колено, где другим лишь на вёслах грести...

Опадает бескрайнее поле лепестками белёсых цветов,
Ты пройдёшь, ты узнаешь о горе, состоящем из матерных снов.

Вьюга-выжига: помнишь приборчик, что давал тебе школьный дружок?

Чернолесье ведёт разговорчик, «на приборчик» прилизан стожок.

Поселянин, советую плюнуть на ладонь перед тем, как сложить

Кучу дров, где, янтарнее юрмал, расплескалась живица души.

Не тужи, всё пройдёт, обещаю (то ли память моя коротка?) —

Я зиме ничего не прощаю, словно снег продаю с молотка.

Знакомство

У меня – лишь снега под глазами,
Обескровленный отсвет лица,
Я живу, ожидая цунами
Буйных трав на пороге крыльца.

У меня непонятное сердце,
Не простая, не в пятках, душа,
Иногда я стараюсь согреться
Над осенним костром камыша.

Словно стырт¹, в бочке солода верчен,
Я указывал градус огня...
И случайно был Богом замечен —
Починяющим флейту плетня.

Я помазанник Божий, что рожей
Извозился в закатной крови,
Я любил Вас, что было похоже
На отсутствие всякой любви.

Постарайтесь понять вероломство
Снов моих, распахните окно...
Скоро наше продлится знакомство

---

¹ Стырт – специальная палка, указывающая на готовность пива в бочке.

Там, где небо, как нѣбное дно.

Манная каша

Я, в манную кашу насыпав черники, раскрасил тарелку под цвет каракатиц.

Смотрю на икону: крамольные лики смеются над тем, как измазался братец.

От деда – затрещина: грех повторяться за старшим, творящим чернильную тюрю

Со скуки, чтоб яркие ягод паяцы бродили по кругу – конвоями тюрем.

Пора выдвигаться на речку, где утром насажены тучным червём перемёты,

Где солнце беззубо, как праведный урка, сощурилось – жёлтой квашнёй из-под гнёта.

Пора улепётывать, словно кузнечик, по скошенным травам от жаркой ладони,

Я слышу: за мною идёт человек, а кажется, я ухожу от погони.

В надежде увидеть судачьи слюдянки, цепляю наживку – весомых уклеек

И шарю рукою в пустеющей банке, как будто в кармане ищу пять копеек.

Я странно мерцаю – заплатой заката, елозя коленями по-над кормою.

Мне жалко у камня сидящего брата, которого брать запрещают с собою

Домашние на воду: мол, несмышлёныш, ещё навернётся нечаянно за борт...

Брат чутко глядит, как притихший зверёныш, в хрустальную клетку безветрия заперт.

Тогда подгребаю, отторгнув запреты родных, говоря: «Мы поедем на остров».

Он, зябко вдыхая дымок сигареты моей, от неверия трогает вёсла.

Я дам потащить ему знатную рыбу, немного ругну, если рыба сорвётся...

Настрою удобную удочку, ибо – когда ещё жизнь к нам лицом повернётся?!

Под уклон

Мой одуванчиковый луг, как будто пепел папиросы,
осыпался, едва подул вечерний ветер. Слезы-росы...
Сирени призрачный абсент пролился на руки просёлка,
и запах, влажный, как брезент, образовался (палки-ёлки).
Туч нерасплавленный свинец лежал в консервной банке
лужи,
где – крышкой – солнечный венец золотошвейл (шире...
уже),
Как лужу переходишь вброд, чтоб детства оттолкнуть
кораблик,
поля – не с маслом бутерброд, а с колбасою (кримле-
крабле)...
Тянулся палисадный клён (зевал от фаустовской скуки)
туда, где небо – под уклон... И надломился (руки-крюки).
Я, мокрый, сосчитав ворон посредством подаянья хлеба,
курил и слушал перезвон кузнечиков, как был и небыл.

Ссора

Окрест – проливная Россия, где белая вечность одна,
Я помню: мы небо косили, такая цвела глубина.
Паром переехал фарватер (мне нравился старый паром),
Потом я поссорился с братом, уехал, вернулся потом.
Я чувствовал: политы потом деревни, рососою – луга,
Душа надломилась заботой, как будто кусок пирога.
Лелея привычную службу, дворняга сидит и поёт...
Я холмик (из недра – наружу) насыпал, как мартовский
крот,
Пригладил строење лопатой, приладил рассыпчатый
дёрн...
Я грешно поссорился с братом – надеюсь, он будет
спасён?
Часовенка, набок осевши, чей колокол жадно молчит,
Как память моя, постаревши, как око, что вряд ли узрит
Того, что содеяно (знаю), и что не простится иным...
Стирая слезу, уповаю на родину, трезвую в дым.

Деревья

Дебелый колокол тюрьмы, луны дочерней Алякатраса,
Звучал – разводами сурьмы – лес, как негроидная раса.
Мой дом на левом берегу, мой снег полуночен и чёрен,
Деревья, через «не могу», по руслам (вычегден, печорен)
Плывут; мост – разводным ключом, порукой сгорбленные
горы,

И бьёт неоновым бичом деревья город, как Негоро.
Они увязаны в плоты, они готовы для закланий,
В пустотах вечной мерзлоты гремят, как в трюмах,
кандалами.

Деревья! Черенки лопат, из калиброванного бруса
Постройки... (ветер-психопат подсказывает) Иисуса
Крест. Иносказательно, мозги моей подруги-эфиопки
(Не говоря про пироги её ракообразной попки).

Деревья! Беглые рабы, гробы, вместилища иллюзий...
Я избежал – какой судьбы, застряв и догнивая в шлюзе?

Орбита

Что я знаю о том, что не знаю? Белый лес у дороги,
молчи!

Я слова, как ключи, подбираю... Облака – не оплывок
свечи.

Голубая блевотина зноя, обречённый наречием луг...

Я слова, словно ставку, удвою и построю в шеренгу,
как лук

При посадке... Жужба самолёта, проблесковых глаголов
огни.

Гироскопом в кабине пилота я вращаюсь быстрее,
чем дни

Или ночи – мой дух орбитален, он прирос пуповиной
к земле,

Он зависит от вешних проталин, от печёной картошки
в золе;

Он зависит от времени века, от вихляния рыбок у дна...
К сожалению – от человека, что зияет в провале окна.

Квест

Тожественным прохаживаясь полем:
Стога, погост, дорога в магазин...
Завидую, как ветер своеволий
Вбивает и выстраивает клин,
Умело выколачивая «жизни» —
Не у забора пыльный половик...
Я хлеб купил и, помня об Отчизне,
Надменно прикусил себе язык.
Могу погуглить замкнутое поле:
Есть хлеба на неделю в аккурат;
Тушёнка, лук, немного разносолий...
Рябина – неподсчитанных карат —
За окнами... Примечена клестами,
Но ими не затронута пока.
Пойду, пройдусь... Зима не за горами,
Не под руками вечности река.

Удод

Трава копошится у входа в мой дом, на деревьях в саду
Закат – опереньем удода – бликует, как ветер по льду.
Мигнёт перед тем, как включиться, над белой дорогой
фонарь...

Удод – одинокая птица, а я – одинокая тварь.

Зари сыромятное мясо шкворчит в сухарях облаков.

Я гнусь, как еловое прясло, под гнётом грядущих снегов.

Я мёрзну, как сущий паломник, до кожи сносивший
испод!

Тону в полынье вероломной, едва заскрипит ледоход.

Гнию кожурой корнеплода под раковину в тазу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.